

УДК 94 (571.6).08

Т.Н. Сорокина

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЮЖНО-УССУРИЙСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX в. (ПО ЗАПИСКЕ П.П. АНОСОВА)

Рассмотрена записка чиновника особых поручений при приамурском генерал-губернаторе о китайском населении в Южно-Уссурийском крае.

Ключевые слова: китайцы, хозяйственная деятельность, промыслы.

В Южно-Уссурийском крае к моменту его присоединения к России проживало немало выходцев из соседнего Китая, которых русское правительство по пекинскому договору 1860 г. обязалось оставить «на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» [1. С. 35]. В течение примерно двух первых десятилетий владения краем, пока русских поселений здесь было мало, а китайские поселения, напротив, были разбросаны почти по всем плодородным долинам рек, по словам военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера, «в выяснении условий их быта в наших пределах не встречалось существенной необходимости, и они управлялись по своему обычному праву без всякого участия русской администрации» [2. Л. 7]. Поэтому долгое время среди китайцев, проживавших в Южно-Уссурийском крае, было широко распространено мнение, всемерно поддерживаемое приезжавшими сюда китайскими чиновниками, что этот край находится лишь во временном пользовании России. Начавшееся в начале 80-х гг. XIX в. переселение в Южно-Уссурийский край крестьян из Европейской России «кругосветным путем» поставило русскую администрацию перед необходимостью подыскания удобных мест для русских переселенцев. Соответственно, приамурская администрация должна была одновременно решать две задачи: наряду с политикой «приучения» китайцев к русской власти проводить выселение оседло проживавших в крае китайцев с участков, предназначенных для русских поселенцев. Урегулирование отношений с китайским населением всегда составляло предмет особой заботы администрации образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства. Чтобы не нарушать трактатов и не подавать поводов к недовольствию китайских властей, надо было, как минимум, установить, кто именно подлежал выселению, и, главным образом, выработать определенные правила проживания китайцев в русских пределах, для чего необходимо было тщательно изучить вопрос.

В фонде канцелярии приамурского генерал-губернатора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока есть объемное (свыше 400 листов) дело, где отложилась переписка высшего начальства края с губернаторами дальневосточных областей и другими официальными лицами по многообразным вопросам упорядочения проживания китайского населения в Приамурском крае, а именно: о занятиях китайцев, о паспортной системе для них, о благоустройстве китайского населения во Владивостоке,

о маньчжурском населении Амурской области, об обложении налогами китайцев и корейцев и др. Здесь есть и докладная записка старшего чиновника особых поручений при приамурском генерал-губернаторе статского советника П.П. Аносова под названием «Об устройстве китайского населения» [3. Л. 48–54].

Первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф командировал его в августе 1885 г. в районы проживания китайцев, прежде всего в Сучанский округ, с поручением «войти в обсуждение вообще положения китайского населения в крае и о способах урегулирования его». Павел Павлович Аносов к этому времени уже имел значительный опыт работы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В списке чиновников канцелярии приамурского генерал-губернатора о нем имеются следующие сведения: «По окончании курса в Александровском лицее поступил 24 мая 1859 г. в ГУВС; 17 июня 1861 г. перешел на должность чиновника особых поручений при Забайкальском областном правлении; 7 августа 1861 г. переведен мл. чиновником особых поручений при ГУВС; 7 августа 1865 г. назначен ст. чиновником особых поручений при ГУВС; 1 января 1867 г. назначен ст. советником Приморского областного правления; 25 сентября 1869 г. назначен ст. чиновником особых поручений при ГУВС... 12 июля 1884 г. назначен ст. чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Имеет ордена Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст. с императорскою короною» [4. С. 106].

В записке, поданной генерал-губернатору в октябре 1885 г., П.П. Аносов не только обобщил свои личные наблюдения за время командировки и вообще за все предыдущие годы службы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, но и, что значительно интереснее, он изучил все дела канцелярии, так или иначе касавшиеся каких-либо беспорядков среди китайского населения и стычек его с русскими властями за весь период вхождения Приморья в состав России. Барон А.Н. Корф, судя по всему, очень внимательно ознакомился с этой запиской, так как она вся буквально испещрена его карандашными пометками на полях, такими как «да», «верно», «думаю, что так» и пр.

Прежде всего, записка П.П. Аносова дает богатейший материал о занятиях китайского населения в Южно-Уссурийском крае и содержит принципиально важные выводы, положенные в основу рекомендаций для русских властей по управлению им.

Ознакомившись с делами канцелярии, чиновник особых поручений пришел к убеждению, что в большинстве случаев причиной недоразумений были «не особенные какие-нибудь враждебные общественному порядку свойства в самом этом населении, весьма трудолюбивом и покорно подчиняющемся установленной законной власти», а отсутствие определенности в его положении в крае с переходом последнего к России. Китайское население просто «не знало, что не имеет никаких прав на владение землей, не знало, что самовольная разработка золотосодержащих россыпей и звериные промысла, сопряженные с ущербом для Государственных лесов, не дозволены и ведут к уголовной ответственности». Китайцы жили долгое время, считая себя, скорее, подведомственными китайскому правительству, нежели русскому («как жившие из них ранее в крае, так и пришлые враждебно относи-

лись к русскому населению, считая пришлыми скорее его, чем себя»), и поэтому с неудовольствием, а то и с протестом встречали любое распоряжение местной администрации. Это убеждение в них поддерживали и пограничные цинские власти, посылая своих чиновников в русские пределы, на что руководство Приморской области смотрело поначалу, «к сожалению... слишком снисходительно». А.Н. Корф, соглашаясь, на полях записки в этом месте написал: «И я так думал» [З. Л. 48].

Чтобы положить конец такому неопределенному состоянию, П.П. Аносов считал необходимым как можно скорее издать правила, точно определявшие положение как постоянно проживавшего в крае, так и временно приехавшего китайского населения. Причем правила эти должны быть согласованы не только с российским законодательством и целями правительств на Дальнем Востоке, но, по возможности, и с основными видами занятий китайского населения. Автор записки, опираясь на свой опыт и «близкое знакомство» с делами канцелярии, был уверен, что «всякое правило, не отвечающее условиям известного занятия и стесняющее его, само по себе несет уже причины нарушения его и послабления в наблюдении за его выполнением — а этого особенно стоит избегать по отношению к азиатам» (здесь стоит помета барона Корфа «Верно»).

Исходя из идеи дифференциации китайского населения, П.П. Аносов предложил, при проектировании правил, подразделить все китайское население в Южно-Уссурийском крае на 6 основных групп по роду деятельности, а именно: «1) на занимающихся сельским хозяйством; 2) занимающихся ловлей морской капусты и трепангов; 3) занимающихся рыбной ловлей; 4) занимающихся ремеслами; 5) занимающихся каботажом и водяным перевозным промыслом и 6) занимающихся торговлей». Все же другие виды деятельности, открытые и тайные, он предлагал вообще запретить. Одни промыслы, такие, например, как самовольная добыча золота или производство ханшина, запретить, поскольку они не дозволены вообще никому, в том числе и русским, а другие, такие как поиск женьшеня и кореньев, грибной промысел, запретить потому, что из-за них в тайге сооружаются фанзы, служащие базами для хунхузов («воспротив положительно все остальные промыслы, которыми они до сих пор открыто или тайно занимались на нашей территории, которые частью не дозволены вообще у нас и русским, а другие, как поиски жан-сина, грибов, кореньев, хотя сами по себе безвредны, но влекущие за собой устройство жилищ в глухих местах, вне контроля администрации и служащих поэтому притону всякому бродячему люду»). Здесь генерал-губернатор написал: «Да, усмотреть трудно» [З. Л. 49].

Обозначив основные группы китайского населения в соответствии с их хозяйственной деятельностью, П.П. Аносов далее предложил дифференцировать и политику по отношению к каждой из них.

Поскольку занятие хлебопашеством было связано с пользованием государственной землей, чиновник предлагал разрешить его только принявшим русское подданство китайцам, не распространяя этого ограничения на тех, кто по договору 1860 г. имел право на оседлость в крае. Право же приобретения земли в собственность предлагалось обусловить «пребыванием в под-

данстве нашем известное число лет» (генерал-губернатор выразил свое согласие пометой «Думаю, что так»). Аносов предполагал, что принявших подданство, скорее всего, будет немного, и поэтому управлять ими должен старшина ближайшей русской деревни. Если же вдруг число их возрастет со временем «до более или менее значительных цифр», то «для заведывания группы соседних фанз» можно предоставлять право избирать старшину из своей среды, только с условием хорошего знания им русского языка (с чем А.Н. Корф не согласился, считая, что «групп не должно быть, надо разбрасывать по русским поселенцам»).

Так как все китайские поселения в крае (за ничтожным исключением) образовались путем самовольных захватов пустовавших земель, то, по мнению П.П. Аносова, было бы справедливо прекратить это незаконное пользование государственной землей, предоставив китайским земледельцам достаточный льготный срок для ликвидации своих хозяйств. «Только таким путем, – писал он, – заблаговременного и основанного на законе удаления китайцев с занимаемых ими хлебопахотных земель, в которых наступила для нас самих надобность, могут быть, мне кажется, предупреждены... столкновения наших крестьян с китайцами» [3. Л. 50].

Другую отрасль сельского хозяйства – огородничество – автор считал возможным разрешить и не принявшим русского подданства китайцам, но «не иначе, как на оброчном основании» и с предварительного разрешения властей. На землях, принадлежавших городам или сельским обществам, – обязательно по соглашению с ними. Такие же правила можно было установить и в отношении лесного промысла, каменоломен и разработки других строительных материалов.

Из всех дозволенных видов деятельности менее всего поддавались контролю морские промыслы. Здесь П.П. Аносов рассчитывал на «частный интерес», предлагая разделить все районы промыслов на оброчные участки, отдаваемые с торгов в аренду на непродолжительные сроки только российским подданным. При этом он предлагал возложить ответственность по соблюдению всех правил по найму и расчету рабочих и осуществлению контроля за их фанзами на арендаторов. От этого, по мнению чиновника, было бы гораздо больше пользы, чем от введенных билетов на право промысла, так как арендатор имел бы возможность «знать ближе весь этот народ, следить за жизнью в их фанзах в летнюю пору и знать тех, кто остается в них на зимнее время» (на что Корф резонно заметил: «Ну и будет знать, дак что?»). С этим предложением приамурский генерал-губернатор не согласился, считая, что трудно будет осуществлять надзор за самими арендаторами.

Что касается третьей группы («занимающихся рыбной ловлей»), то П.П. Аносов считал, а генерал-губернатор был солидарен с ним, что по мере увеличения русского населения по впадающим в море рекам Южно-Уссурийского края, если не установить определенного порядка пользования устьями этих рек, у русских властей неизбежно будут возникать столкновения не только с китайскими рыбопромышленниками, но и с русскими обывателями-рыболовами. Поэтому занятия рыбными промыслами он предлагал «обстановить так же, как капустный и трепанговый промыслы» [3. Л. 52].

Четвертую группу «занимающихся ремеслами» автор записки считал более всего подверженной колебаниям (то есть «переменам как в числе, так и в составе своем»). Установленная в Приамурском крае паспортная система ему казалась единственно возможной мерой контроля над этой частью населения. Имеются в виду правила, введенные первым приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом с 1 мая 1885 г., определявшие условия вселения китайских подданных в Приморскую область. Согласно этим правилам, доступ в пределы Приморской области и обратно разрешался только через определенные пограничные заставы. При переходе китайской границы каждый китайский подданный был обязан предъявить выданный ему своим правительством паспорт для наложения визы, уплатив за это 30 коп. По визированному национальному паспорту можно было проживать в пределах Российской империи в течение одного месяца со дня наложения визы, после чего необходимо было выбрать русский билет, подписанный губернатором, уплатив за него 1 руб. 20 коп. Кроме того, был установлен дополнительный сбор в 30 коп. на канцелярские расходы. Китайские подданные, не имевшие национальных паспортов или русских билетов, высылались за границу как бродяги. Правила эти устанавливались не только для вновь прибывавших китайцев, но и для тех, кто уже проживал в крае – они должны были приобрести билеты в течение полугода со дня объявления правил. Русский билет выдавался на один год, затем его надо было обменять на новый с уплатой предусмотренных правилами пошлин. За уклонение от своевременного приобретения русского билета предусматривался штраф в размере 5 руб. При этом он высказывал некоторые сомнения относительно необходимости предоставления китайского паспорта, считая это требование крайне обременительным, «особенно для неимущих людей, живущих поденною платою». Многие, после долгой отлучки из Китая, просто не могут рассчитывать на то, чтобы им китайские провинциальные или пограничные власти выдали подобные документы. Старший чиновник полагал достаточным при выдаче русского билета, в случае отсутствия национального паспорта, представить поручительство двух известных администрации лиц «без различия национальности». Кроме того, он предложил китайских мастеров обязать записываться в цех, «без включения в который они не могли бы иметь право брать работы», на что генерал-губернатор возразил: «Это трудно и вряд ли практично» [З. Л. 52–53].

«Занимающиеся каботажем и вообще водными перевозками» китайские подданные (5-я группа), по мнению П.П. Аносова, представляли «наиболее удобоконтролируемую часть китайского населения», так как они сами нуждались в органах местной администрации, постоянно вступая во взаимоотношения с местным русским населением. Поэтому автор в своей записке писал: «В установлении каких-нибудь особых правил для этой части китайского населения, по-видимому, не представляется надобности, а они должны, как это само собою сложилось уже во Владивостоке более или менее, подчиняться общим, существующим по этим отраслям промышленности законоположениям и местными учреждениями установленным правилам и денежным сборам» [З. Л. 53].

Наконец, шестая группа «занимающихся торговлей» китайцев, так же как и предыдущая, должна быть подчинена общим положениям. То есть ко всем не вступившим в русское подданство китайским купцам надо применять правила, существующие «относительно других иностранных торговцев», не распространяя при этом на них только права экстерриториальности, так как по заключенным с Китаем трактатам это право пребывающим в России китайцам не предоставлено.

По мнению П.П. Аносова, составленные таким образом дифференцированные по роду занятий правила для китайского населения, проживавшего в Приамурском крае («зазейских маньчжур» Амурской области, подчинявшихся по Айгуньскому договору китайским властям, они не касались), с одной стороны, не создавали бы «никакого исключительного положения для этого чужеземного элемента», а с другой стороны, были бы вполне согласованы «с условиями быта у нас и ближе всего ответили бы необходимости установить для него определенные порядки, дающие правильное устройство его существованию и устраняющие всякие недоразумения, относительно положения и прав его в крае» [3. Л. 54]. И в заключение статский советник высказал пожелание, вне зависимости от того, будут ли одобрены его предложения, о необходимости произвести общую перепись всего китайского населения, сожалея, что этого до сих пор не сделано.

Занимаясь в течение многих лет политикой приамурской администрации в отношении китайских подданных, анализируя причины неэффективности тех или иных мер, предпринимаемых русскими властями для ограничения их деятельности на протяжении всего периода существования Приамурского генерал-губернаторства, автору остается только удивляться прозорливости и справедливости многих положений, высказанных в записке «Об устройстве китайского населения» П.П. Аносовым. И прежде всего это относится к тому, что любое принимаемое постановление, стесняющее то или иное занятие китайцев, уже несет в себе «причины нарушения его». Китайцы всегда находили способы обойти подобные постановления, что, из-за невозможности должным образом проконтролировать их исполнение, умаляло авторитет русских властей.

Литература

1. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.
2. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 58.
3. РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 6.
4. Дальний Восток России: Из истории системы управления. Документы и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1993.